

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НЕКОТОРЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

В № 5 Вашего журнала за 1969 г. в статье Л. В. Хомич «О содержании понятия „этнические процессы“» на стр. 79—80 появилось упоминание моей мысли о природе этноса, высказанной мною в печати («О термине „этнос“» и «Этнос как явление», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967), что весьма лестно. Однако, вырвав из текста одну цитату, автор искажил мою простую и ясную мысль. Он предположил, что, считая этнос явлением, имеющим биохимическую природу, я, тем самым, игнорирую его развитие, т. е. этногенез. Это противоречит всему, что написано в двух моих цитируемых Л. В. Хомич статьях. Но помимо этого, со времен Ч. Дарвина известно, что все организмы на Земле подвержены эволюции, а физические явления (температура, свет, электромагнетизм) — формы движения материи. Следовательно, для предположения Л. В. Хомич, будто я рассматриваю этносы как статические величины, нет оснований. Кроме того, в моей статье ясно сказано, что «этногенез — локальный вариант внутривидовой эволюции, определяющийся сочетанием исторического и хронометрического (ландшафтного) факторов» (стр. 7). Более того, в конце исследования помещена первичная классификация состояний этноса: «творческое, т. е. динамическое, инертное или историческое, и стабильное или персистентное, при котором этнос входит в биоценоз» (стр. 106). Меня очень огорчило, что мне приписаны взгляды, которых я не высказывал и не разделяю.

Однако это не значит, что различие во взгляде на этногенез у меня и Л. В. Хомич отсутствует. В отличие от Л. В. Хомич, считающей этногенез модуляцией социального развития (общественной формы движения материи), я склонен видеть в нем проявление биохимической энергии живого вещества, открытой академиком В. И. Вернадским. Моя мысль заключается в том, что различие между социальными и этническими явлениями происходит за счет проявления в последних дополнительного импульса; в противном случае социальная история и этнография как науки полностью совпадали бы. Видимое многообразие явлений объясняется тем, что этногенез лежит на грани двух форм движения материи: социосферы и биосферы. Этот тезис был мною сформулирован в статье «Этнос и ландшафт» («Известия Всесоюзного Географического общества», 1968, № 3, стр. 193—202) со ссылками на литературу, что исключает сомнение в неосведомленности о наличии других взглядов. Как любая новая точка зрения, мое мнение не может быть воспринято без критики и спора: иначе оно было бы банально. Однако наши разногласия находятся в пределах материалистического метода и могут быть поводом не для полемики, а для конструктивной дискуссии, творческого обмена мнениями. Поэтому отклик «Советской этнографии» на «Доклады Географического общества» — явление отпадное, ибо ошибочная и неполная цитация — дело исправимое.

Л. Н. Гумилев

ОТВЕТ НА ПИСЬМО Л. Н. ГУМИЛЕВА

За последнее время Л. Н. Гумилев написал ряд работ, посвященных проблемам связи человека с географической средой¹. Многие выдвинутые им положения вызвали критические замечания на страницах журналов.

В статье «О содержании понятия „этнические процессы“» («Советская этнография», 1969, № 5) я касаюсь понимания Л. Н. Гумилевым этноса как явления, имеющего биохимическую природу, и привожу некоторые его замечания по этому поводу.

Л. Н. Гумилев обнаружил в моей статье утверждение, будто он рассматривает этносы как статические величины. Между тем, если внимательно прочитать соответствующий абзац моей работы на стр. 79—80, станет очевидно, что этой мысли я не высказывала. Кратко напомним суть дела. В одной из своих статей Л. Н. Гумилев выдвигает

¹ Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1967, вып. 3; его же, Этнос как явление, Там же; его же, Этнос и ландшафт, «Известия Всесоюзного географического общества», 1968, № 3; его же, Этногенез и этносфера, «Природа», 1970, № 2 и др. Дальнейшие ссылки на эти работы даются в тексте.

положение, что этнос явление не социальное, в частности, потому, что оно характерно для всех формаций («О термине „этнос"», стр. 7). Отстаивая тезис, что этнос—явление социальное (а не биологическое), я пишу: «Тот факт, что этнос характерен для всех формаций, ничуть не противоречит этому положению: этнос не есть нечто застывшее, неизменное; он изменяется вместе с развитием общества». Далее следуют примеры. Очевидно, что здесь просто имеет место констатация факта. Таким образом, можно было бы считать, что письмо Л. Н. Гумилева в редакцию основано на недоразумении². Однако я хочу воспользоваться случаем, чтобы сделать несколько замечаний в связи с трактовкой Л. Н. Гумилевым проблемы этногенеза.

Говоря о развитии этноса, Л. Н. Гумилев имеет в виду эволюционное развитие всех организмов на Земле, проявление биохимической энергии живого вещества, что полностью соответствует его концепции о природе этноса. В то же время он считает, что «этногенез лежит на грани двух форм движения материи: социосферы и биосферы» («Этнос и ландшафт», стр. 193; см. также письмо Л. Н. Гумилева), что является известной уступкой оппонентам.

Вопросам этногенеза Л. Н. Гумилев посвятил специальную работу «Этногенез и этносфера». В ней он различает три основных фазы развития этноса: историческое становление, историческое существование и упадок. Что же является движущей силой развития этноса? Л. Н. Гумилев отвечает: пассионарность (стр. 50), т. е. повышенная возбудимость, активность отдельных особей или целых этносов. Пассионарность, которая находится в подсознании людей (стр. 46), «имеет энергетическую природу, преломляющуюся через психические особенности, стимулирующие повышенную активность носителей этого признака, создающего и разрушающего ландшафты, народы, культуры». (стр. 50). Всех людей Л. Н. Гумилев делит на пассионариев, субпассионариев (сюда относятся, главным образом, солдаты-наемники) и тех, у кого пассионарность близка к нулю (последние составляют большинство человечества). Войны Александра Македонского, Наполеона I, борьбу Яна Гуса, Жанны Д'Арк,— все это Л. Н. Гумилев равно объясняет «кипением пассионарности». Нет необходимости опровергать подобную концепцию, ибо хорошо известно, что указанные исторические события обуславливались социальными факторами.

Что касается этногенеза, к которому эти события имеют весьма отдаленное отношение, то этот процесс не может рассматриваться как проявление биохимической энергии живого вещества, как результат повышенной возбудимости отдельных особей или целых этносов уже хотя бы потому, что развитие этносов, их появление и исчезновение связано с взаимоотношениями групп людей, которые составляют социальные, а не биохимические объединения. Динамика этнических общностей связана с развитием производительных сил, освоением пространств в поисках новых пастбищ, охотничьих угодий, полезных ископаемых, культурной ассимиляцией аборигенного населения и т. д., что выходит, на наш взгляд, за пределы закономерностей существования животного мира.

Замечу попутно, что излагать взгляды Л. Н. Гумилева, да и отвечать на его возражения очень сложно, так как в упомянутых его работах встречается ряд противоречий. Так, например, Л. Н. Гумилев под термином «этнос» понимает «все коллективы определенного сорта, данного нам непосредственно в ощущении, как свет, тепло, боль и т. д.» («Этнос и ландшафт», стр. 194). С другой стороны, он полагает, что «группа этносов образует систему, называемую в исторической науке „культура"», каждая из которых «является своеобразной целостностью исторического бытия» («Этнос и ландшафт», стр. 195). Нам представляется, что эти положения трудно сопоставимы.

И еще. Внутриэтническое дробление на роды, племена, консорции и другие группы, по мнению Л. Н. Гумилева, есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость («О термине „этнос"» стр. 13). Едва ли есть необходимость доказывать то, что все перечисленные институты носят социальный, а не биологический характер. Но несколько ниже Л. Н. Гумилев снова подчеркивает, что этнос можно охарактеризовать как биологическую единицу (стр. 14).

Биологизация этноса — характерная черта концепции Л. Н. Гумилева. С такой концепцией невозможно согласиться.

Л. В. Хомич

² Отметим, что Л. Н. Гумилев дает основание упрекать его в признании вечности и неизменяемости сущности этноса. См.: И. Я. Златкин, Не синтез, а эклектика, «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, стр. 85.